

ЦЕННОСТЬ И ИСТИНА

В.А. Яковлев

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА ЦЕННОСТНЫХ МОДАЛЬНОСТЕЙ НАУКИ

Аннотация. Предметом исследования является анализ ценностных модальностей в информационно-коммуникативной парадигме науки. Подчеркивается, что бытие (онтология) науки в сфере культуры является не только образцом и моделью информационно-коммуникативных инновационных процессов во всех сферах человеческой деятельности, но обладает и важнейшими этическими характеристиками. Утверждается, что новейшие открытия в физике, космологии и особенно в биологии не только существенным образом изменяют информационные ресурсы и мировоззренческие представления, но также затрагивают глубинные, экзистенциальные характеристики как учёных, так и всех людей на Земле. Для исследования ценностей науки с точки зрения их информационной значимости используется метод герменевтической диалектики на основе принципа бинарности и поуровневого анализа системы научной деятельности в смысловых контекстах социокультурного исторического процесса. Новизна исследования заключается в следующих утверждениях. Актуальность ценностной проблематики науки тесно связана с решением вопроса о методологии исследования ценностей с точки зрения их информационно-коммуникативной значимости. Выявлены основные ценностные модальности науки на трёх основных уровнях системы научной деятельности в смысловых контекстах социокультурного исторического процесса. Утверждается, что через этические нормы и идеалы научного сообщества наиболее полно выражаются общечеловеческие ценности солидарности, информированности, коммуникативности, сплоченности, толерантности и гуманности.

Ключевые слова: этика, принципы, бинарность, учёные, наука, коммуникативность, информация, ценность, социология, культура.

Abstract. The subject of this research is the analysis of the value modalities within the information-communicative paradigm of science. It is underlined that genesis (ontology) of science in the area of culture is not only an example and model of the information-communicative innovative processes in all spheres of human activity, but also possesses the essential ethical characteristics. The author claims that the newest discoveries in physics, cosmology, and especially biology, not only significantly affect the information resources and worldview attitudes, but also touch upon the in-depth, existential characteristics of the scholars, as well as the entire population of the Earth. The scientific novelty consists in the following statement: the relevance of the value problematics of science is tightly connected with the solution of the question about the methodology of research of the values from the perspective of their information-communicative importance. The author determines the main value modalities of science on the three principal levels of the system of scientific activity within the conceptual contexts of sociocultural historical process. It is stated that the universal human values of solidarity, information awareness, communication skills, integrity, tolerance, and humanism are more carefully expressed through the ethical norms and ideals of scientific community.

Key words: Culture, Sociology, Ethics, Principles, Binarity, Scholars, Science, Communicativeness, Information, Value.

В наших предыдущих работах было показано, что в современной философии понятие информации постепенно приобретает статус категории, которая является ключевой при осмыслении объективной реальности, сознания и познания [1; 2; 3]. Особое внимание было также уделено информационно-коммуникативной модели научного познания [4]. Однако в идеях указанных работ обнаружился и существенный пробел. Вне поля зрения остался аксиологический аспект информации.

Вообще многие аксиологи в настоящее время указывают на глубокие проблемы, связанные с теоретической базой и методологическими подходами при определении таких фундаментальных понятий, как «ценность» и «ценностные отношения», а также разногласий по вопросу о месте и значении аксиологии в общей структуре философского знания.

Это во многом связано с антропологическим кризисом культуры западной цивилизации. Так, известный отечественный философ П.С. Гуревич пишет: «Современные исследователи, как извест-

но, отказываются от целостной и развёрнутой концепции философской антропологии. Знание о человеке становится всё более и более фрагментарным. Это принципиальная позиция постмодернистского рассмотрения человека» [5]. Необходимо согласиться с мнением П.С. Гуревича, что отрицание самой сущности человека (Ж.-Л. Нанси) и признание кризиса его идентификации (Дж. Уард), рассуждения о «фрагментарности современного человек» (Ж. Деррида) и провозглашение его смерти как личности (М. Фуко) относятся в современной постмодернистской философии не только к отдельному человеку, но и культуре в целом.

Не вдаваясь в дискуссию об общих оценках и смыслах бытия человека, сконцентрируем внимание на аксиологических аспектах наиболее рациональной по своим методам части культуры – научно-исследовательской деятельности. Подчеркнём, что итогом Ренессанса, зародившегося в Италии в конце XIV в., и на протяжении последующих двух веков охватившего всю Западную Европу, стал эпохальный переход к новому типу цивилизационного развития на основе ценностей *гуманизма, активизма, светского образования и научного познания.*

Понятие гуманизма, идущее от Цицерона, становится центральным и важнейшим в философско-этической литературе эпохи Ренессанса и, можно сказать, даёт рождение всему корпусу гуманитарных наук. Суть этого понятия – гуманность, человечность, человеколюбие – состоит в обращении к человеку как венцу мироздания, уступающему в своём совершенстве лишь самому Богу («образ и подобие божие») и бесплотным божественным духам. Добродетели человека – благородство, достоинство, великодушие, доблесть – определяются метафизическими принципами божественного мироздания. Эти ценности утверждаются в таких великих произведениях того времени, как «Речи о достоинстве человека» (Пико дела Мирандола), «О наслаждении» (Лоренцо Вала), «О достоинстве и превосходстве человека» (Джаноццо Манетти).

Первая Академия гуманистов во Флоренции (1459 г.), вдохновителем и организатором которой был православный грек из Константинополя Георгий Плифон и ставший впоследствии её главой Марсилио Фичино, занималась переводами с древнегреческого практически неизвестных ещё в Европе античных авторов, прежде всего Платона и неоплатоников. Заметим, что современная гуманитаристика, включая и классическую филологию, в продолжающихся современных исследованиях Античности во многом опирается на информационную парадигму текстов античных авторов, которые были выявлены и введены

в культурное наследие человечества благодаря именно гуманистам.

Первые академики практически не интересовались вопросами, связанными с изучением природы. Но вторая Академия, так называемая Козентинская (недалеко от Неаполя), во главе с Телезио, уже ставило целью пополнение естественнонаучного знания и разрабатывала первые исследовательские методы.

Бесспорно прав В. Виндельбанд в своём ставшем крылатым выражении: «Современное естествознание – дитя гуманизма» [6].

Учёные и философы Нового времени, развивая идеи гуманистов, поставили своей целью построение Царства Разума на Земле. Считалось, что высшей ценностью человека, созданного по образу и подобию Бога, является его ум (разум). И во благо человека и общества, как писал оптимистично убеждённый Р. Декарт, не нужно полагать человеческому уму какие-либо границы.

Однако дальнейшее развитие истории показало, что прогресс в развитии науки («учёных умов») поставил новые и трудноразрешимые этические проблемы.

По известному выражению Т. Куна, «учёные – это люди, занимающиеся наукой, а наука – это то, чем занимаются учёные». Такой, с точки зрения логиков, порочный круг можно, на наш взгляд трансформировать в круг герменевтический, если посмотреть на учёных и науку в целом не только в эпистемологическом ракурсе, но и в аксиологическом социокультурном аспекте. Иначе говоря, необходимо выделить наиболее важные ценностные модальности (возможности, уровни свободы) науки в её общей информационно-коммуникативной парадигме.

Новейшие открытия в физике, космологии и особенно в биологии не только существенным образом изменяют информационные ресурсы и мировоззренческие представления, но также затрагивают глубинные, экзистенциальные характеристики как учёных, так и всех людей на Земле.

Ярким примером здесь является Ст. Хокинг, практически парализованный учёный мирового уровня, который, общаясь с миром через сложнейшую сеть интерфейсов и гаджетов, получает за свои открытия престижнейшие научные премии и ездит как приглашаемый лучшими университетами профессор со своими лекциями по всему свету. Кстати, именно он предрекает, что в течение ближайших десятилетий будет создан искусственный разум, превосходящий по всем параметрам человеческий интеллект. Если это случится, то действительно произойдёт кардинальная переоценка всех ценностей в формате новой коммуникативно-информационной парадигмы.

Рассуждая об онтологической ценности гипотезы известного отечественного учёного А.А. Фридмана о расширении Вселенной, Ст. Хокинг очень точно подмечает, как оценивается научное знание в зависимости от социокультурного контекста. Он пишет: «Столетия назад христианская церковь признала бы его (знание – В.Я.) еретическим, так как церковная доктрина постулировала, что мы занимаем особое место в центре мироздания. Но сегодня мы принимаем это предположение Фридмана по едва ли не противоположной причине, из своего рода скромности: нам показалось бы совершенно удивительным, если бы Вселенная выглядела одинаково во всех направлениях только для нас, но не для других наблюдателей во Вселенной!» [7].

Проблема устранения «зародыша смерти в самой жизни» (Гегель) на базе современных технологий (нано-био-когито-инфо), которые выкристаллизовались из фундаментальных наук, решается через технологии трансплантации, восстановлению с помощью стволовых клеток, а также замещения человеческих органов на искусственные. В целом происходит переориентация науки с изучения природы как таковой на целенаправленное разрешение фундаментальной (метафизической) мечты человека о неограниченном во времени-пространстве, свободном и полноценном личностном бытии.

Здесь можно было бы вспомнить «Общее дело» Н.Ф. Фёдорова как важнейший ценностный императив для науки. Однако важно иметь в виду, что речь идёт об, если так можно сказать, иерархическом подходе к выборке «потенциально бессмертных». Как будет определяться ценность людей, которым наука готова предоставить свои новые технологии? Не выйдут ли опять на первое место меркантильные интересы и ценности так называемого «золотого миллиарда» наиболее обеспеченных членов земного сообщества? Не будет ли переинтерпретирован метафизический принцип А. Швейцера благоговения перед жизнью во всеохватную заботу науки о высокоценных (VIP) преуспевающих лидеров в области личностного благосостояния (олигархов)?

Инстинкт самосохранения человека, являющегося частью живой природы, очевидно, всегда был связан с его эгоизмом как ценность личностного существования (вспомним «Эвдемонизм» Л. Фейербаха). Однако рамки физической жизни людей в целом с экзистенциальной точки зрения были ограничены сложившимися в ходе эволюции биологическими программами. Не случайны известные на разных языках, но схожие констатации здравого смысла: «Здоровье не купишь, от смерти не откупишься», «Никто не знает своего смертного

часа», «Смерть неизбежна, перед ней все равны» и т.п. Социальное неравенство людей, их порой принципиально разные ценностные ориентиры как бы уравнивались «справедливостью природы (Бога)», установившей границы «бренного бытия».

При современных научных технологиях эта «справедливость» серьёзно испытывается на физическую и моральную прочность. Естественная биологическая жизнь, по сути, превращается в артефакт. Перефразируя в метафизическом аспекте известное «Быть или не быть», можно сказать, что качественно изменяется понимание модальной ценности свободы человека от смерти в зависимости от его информированности и состоятельности. Научно-технические технологии кардинально изменяют цикл естественного существования человека, а, следовательно, и ценностные экзистенциалы его существования.

Существуют ли этические границы для «технологического» преобразования человека (крайний случай – его клонирование)? Эта проблема и многочисленные связанные с ней подпроблемы в настоящее время остро обсуждаются на уровне научных дискуссий, социальных сетей, парламентов и правительств. Морально-этический, ценностный аспект деятельности учёных в глобальном масштабе играет роль в решении всех гуманистически значимых проблем мирового сообщества.

В то же время актуальность ценностной проблематики науки, в свою очередь, ставит вопрос о методологии исследования ценностей с точки зрения их информационной значимости. В данной статье для решения этого вопроса будет использован принцип бинарности, который, по нашему мнению, является наиболее адекватным для представления максимально полной картины ценностных ориентаций науки.

Мы подробно анализируем принцип бинарности в качестве одного из главных компонентов смыслового и концептуального каркаса в исследованиях различных аспектов науки [8].

Основными смысловыми контекстами науки являются её описание в качестве эпистемического продукта (научного знания), особого социализированного института (научного сообщества), репрезентативного типа человеческой творческой деятельности (способность к теоретическому мышлению). Проанализируем ценностные модальности науки на разных уровнях указанных смысловых контекстах.

Глобальный уровень. Сама возможность появления и существования науки связана с творческим потенциалом человеческой деятельности, о чём говорил ещё Платон в «Тимее». В свою очередь творчество человека является продолжением

и развитием в своей высшей форме креативного информационного потенциала мироздания (Мультиверса). В то же время наука – это лишь одна из различных форм человеческого духовного исторического опыта.

На глобальном уровне наука прежде всего является в качестве рационального самовыражения родового сущности человека – его разума. Политика, право, религия, искусство также (и до появления науки) выражали фундаментальные типы человеческого исторического опыта. Однако, в отличие от науки, в них нередко превалировала над рацией эмоционально-волевая компонента – чувство превосходства, справедливости, прекрасного, сострадания, страха, солидарности.

Самовыражению креативной сущности человека бинарно противостоит его ценностная установка на рационализацию отношений человека с природой (нередко принимающую форму покорения природы) и стремление к разумному обустройству общества (тоже нередко принимающую форму его насильственного изменения). При этом постоянно изменяется соотношение элементов адаптации к существующему (наличному бытию) и элементов его преобразования (будущее бытие).

Так, на раннем этапе своего развития наука (античная) ценностно ориентировалась на познании как способе приспособления человека к гармонии мироздания, а в VII-VIII вв. – на овладении и покорении природы, её преобразование в интересах человека (классическая наука). Поэтому, если в Античности даже не задавались вопросом о законах природы (исключение – Архимед), то в Новое время целая плеяда учёных во главе с Ньютоном создали классическую механику, законы которой обозначили чёткие перспективы реализации известного лозунга Ф. Бэкона «Знание – сила».

Макроуровень. Это фактически уровень научного сообщества, где общие ценностные установки объединяют всех тех людей, «делающих» науку, в особое содружество. Наиболее полно, считается, совокупность этих установок выразил в своём понятии научного «этоса» известный американский социолог науки Р. Мертон. Правда, потом, как известно, когнитивные социологи немало сделали, чтобы доказать, что данному «конструкту» в реальности практически ничего не соответствует.

Действительно, разного рода исследования типа case-studies показывают, что учёные отнюдь не всегда демонстрируют такие нравственные ценности, как честность, коллективизм, объективность, стремление к истине, бескорыстие и т.п. Нередко в их действиях прослеживаются те же банальные мотивы, что и у всех других смертных –

деньги, власть, слава. Однако на это всегда можно возразить, что и десять библейских заповедей, и категорический императив И. Канта, и даже клятва Гиппократа остаются во многом лишь идеальными конструкциями. Но в то же время это – нравственные ориентиры, без которых просто невозможно было бы существование и развитие общества. В целом данные абстракции мало чем отличаются от абстракций в математике и естествознании.

История показывает, что через научное сообщество наиболее полно выражаются ценности солидарности, информированности, коммуникативности, сплочённости, толерантности и гуманности. В других человеческих сообществах эти ценности носят гораздо более ограниченный характер, поскольку базируются не на понятии объективной истины, а на принципах крови, нации, класса, веры.

Интернет, пользователями которого сейчас являются уже огромное число человек, в этом плане олицетворяет экспансию информационных ценностей научного сообщества и общества в целом. Хотя и здесь, как известно, не обходится без разного рода девиаций и нарушений.

Однако все указанные ценности относятся к отношениям между членами научного сообщества, т.е. являются его внутренними аксиологическими ориентирами. Во взаимодействиях же с другими социальными структурами и сообществами они могут трансформироваться в соответствующие бинарные им оппозиции – корпоративность, кастовость, амбициозность, высокомерие.

Собственно, именно эти ценностные установки и подвергаются, прежде всего, критике со стороны так называемых антисциентистов. Научное сообщество представляется как некий новый «Левиафан» Т. Гоббса или «Белокурая бестия» Ф. Ницше. Члены сообщества («эти яйцеголовые») изображаются в виде безжалостных и хладнокровных экспериментаторов, которые преследуют истину, как хищные звери гонят добычу, не останавливаясь ни перед чем, а в итоге создают угрозу тотального уничтожения всего земного сообщества.

Действительно, многие глобальные проблемы современности связаны с развитием науки, и если раньше так называемые специалисты говорили лишь о побочных негативных эффектах на пути прогресса науки и общества, эффектах, которые предполагалось устранить опять-таки с помощью науки. Но теперь такого рода аргументация встречает всё более серьезные возражения, поскольку слишком велики стали эти эффекты. Рациональность методов внутри науки оборачивается глобальными иррациональными последствиями в других сферах общества.

Можно, конечно, продолжать утверждать, что ответственность за это несёт не научное сообщество, а разного рода «нехорошие» политики и государственные деятели. Но как быть тогда с тем фактом, что большинство современных учёных мужей работает в так называемой прикладной, «ведомственной» науке, и, в свою очередь, большинство из этого большинства по сей день сознательно и с большим успехом трудится над созданием всё более совершенных (читай: «всё более разрушительных») средств военной техники?

На наш взгляд, вместе с осознанием на уровне научного сообщества принципиальной амбивалентности в использовании любого знания – как во благо, так и во зло – должно придти и понимание необходимости установления нравственных нормативов. Наука давно уже разработала и продолжает совершенствовать различного рода квалификационные профессиональные «фильтры», чтобы оградить себя от сферы «профанного». Но нравственный «фильтр» всегда существовал только в медицине – «клятва Гиппократова». В настоящее время всё более широкое распространение получают так называемые комиссии и комитеты по биоэтике, решающие конкретные вопросы, связанные с допустимостью новых лекарств и экспериментов в медицине. Неподчинение их решениям ведёт, в конечном счёте, к изгнанию из научного сообщества. Заметим, что основанием при этом служит именно ценностная ориентация учёного, а не его профессиональная квалификация.

На наш взгляд, по такому пути в дальнейшем пойдёт вся наука, которая, как известно, начинается всегда с процесса подготовки и образования будущих членов сообщества, которое может транслировать свои ценности всему социуму. Возможность такого хода событий подтверждает последнее собрание глав правительств многих стран в Париже по решению проблем экологии. Здесь мы вплотную подходим к ценностной ориентации научной деятельности на уровне отдельного учёного.

Микроуровень. Когда о каком-то учёном говорят, что он случайный человек в науке, то чаще всего имеют в виду несоответствие его ценностных ориентиров ценностным идеалам научного сообщества. Как уже говорилось выше, современная наука разработала такую жёсткую многоступенчатую систему профессиональных «фильтров», что случайно «проскочить» её очень трудно. Хотя коррупция и здесь возможна – написанные за плату диссертации, плагиат, хорошие связи с чиновниками от науки и т.п.

Но даже в таких случаях в науку «идут» не ради материальных ценностей, а имея в виду ценность

престижа личности, интеллект которой по «достоинству» заслужил одобрение научного сообщества. Ведь если речь идёт о деньгах, то наука никогда не являлась особо прибыльной сферой деятельности даже с учётом возможности получения высоких премий, грантов и поощрений. Слава самого знаменитого учёного в современных условиях, к сожалению, на уровне обыденного сознания ничто, по сравнению со славой какой-нибудь кино-поп-звезды или известного спортсмена, не говоря уже о бизнесменах и олигархах.

Власть в науке держится прежде всего на научном авторитете, который вырастает в результате повседневной длительной кропотливой работы – нередко длиною в целую жизнь. Феномены типа «лысенковщины», конечно, существуют, но не они всё же определяют в итоге иерархию членов научного сообщества. Поэтому, на наш взгляд, преобладающей базисной ценностной ориентацией каждого «идущего в науку» является устремлённость по поиску истины. Как «на самом деле» устроены мир, общество, человек – вот вопросы, по сути прежде всего интересующие учёного. Ответы на них он ищет всю жизнь, нередко ограничивая себя, а порой вообще отказываясь от других «радостей жизни». Вспомним Демокрита, который говорил, что постижение самой малой истины дороже для него обладания короной персидского шаха. И действительно, история науки полна примеров самоотверженности, вплоть до самопожертвования ради научной истины.

В крайних формах такое самопожертвование ведёт к так называемому научному фанатизму, и хотя в науке нетерпимость к своим оппонентам никогда не принимала таких острых форм, как в политике или религии, всё же нередко ценностная ориентация на истину перевешивала ценности терпимости к мнению оппонента, уважительности, самокритичности. Отсюда, как показывает история науки, случаи неоправданного изгнания из общества, ostracизма и даже самоубийства среди учёных. Иначе говоря, на уровне индивидуальной научной деятельности бинарная оппозиция проходит по линии: исходная ценностная ориентация учёного на истину – его ценностные ориентиры в использовании допустимых средств. Фактически, как мы видим, речь идёт о старой дилемме «цель – средства», в преломлении к науке.

Одним из наиболее ярких её проявлений всегда была и остаётся проблема приоритета в достижении научного результата. Здесь можно выявить ситуации, как говорится, на любой вкус – от объективной невозможности установления действительного авторства ввиду поэтапности, «растянутости» открытий во времени, их связи с тео-

ретическими конструкциями (некоторые из таких открытий хорошо описаны Т. Куном, Ж. Пиаже и Р. Гарсиа) до явного плагиата и использования различного вида правовых и политических рычагов, чтобы «застолбить» своё первенство.

Проблема становится ещё более острой в современных условиях, поскольку деятельность конкретного учёного всегда практически вплетена в деятельность его коллег по лаборатории, сектору, институту, т.е. сообщества, которое иерархически организовано и нередко претендует на соавторство.

На наш взгляд, не существует какого-то универсального ценностного подхода к решению проблемы приоритетности в науке. Для этого во многих странах созданы специальные комитеты и организации по правовым и нравственным вопросам науки. Иногда историческую несправедливость удаётся поправить только «задним» числом, когда страсти улягутся и становится возможным объективный ретроспективный анализ, как это было, например, в историческом споре Ньютона и Лейбница о первенстве в открытии дифференциальных исчислений.

Важно отметить, что в выборе ценностных ориентаций по вопросу допустимости средств для достижения истины и утверждения своего права на неё решающую роль начинают играть факторы, сами по себе к науке никакого отношения не имеющие. Это – воспитание, полученное в детстве, отношение к религии, эстетическая образованность, политическая ориентация и др. Данные диспозиции личности учёного, взятые в своей совокупности, обуславливают в конечном счёте поведение учёного на протяжении всей его жизни в науке. Они существенным образом влияют на принятие им решений в нравственно неоднозначных ситуациях, от разрешения которых нередко зависит его дальнейшая исследовательская работа. Вот почему всякая слишком ранняя и узкая специализация, «зацикленность и зашоренность» учёного может в итоге отрицательно сказаться и на его непосредственно профессиональной деятельности.

Ценности института науки

Теперь перейдём к анализу ценностных модальностей науки в её смысловом контексте как социального института. Однако сразу надо сказать, что этот анализ будет более кратким, чем предыдущий, поскольку в таком качестве наука фактически мало чем отличается от ценностных ориентиров многих других современных социальных институтов.

Здесь также можно выделить различные уровни исследования – от организации лаборатории («молекула» современной науки) до различных

национальных академий и международных организаций. Можно сказать, что чем выше уровень организации науки, тем оощутимее влияние на неё других организаций социума, в том числе и их ценностных ориентиров. Сама наука, т.е. приращение знания, «делается» в научных лабораториях, которые тоже претерпевают изменения не только в плане их технической оснащённости, но и в структурной организации. Одно дело – персональная, можно сказать, лаборатория А. Лавуазье, которую он оборудовал на собственные деньги, другое – Кавендишская лаборатория-институт Э. Резерфорда и, наконец, современная лаборатория проблемного типа, идущая от Э. Ферми, с её ярко выраженным ролевым принципом организации: руководитель как генератор идей, разработчики, критики, административно-вспомогательный персонал.

В то же время на всех уровнях научной организации прослеживается ценностная ориентация на иерархичность, элитарность институтов научного сообщества. Реально науку продвигают её лидеры, а это – сравнительно небольшая группа учёных. «Вполне вероятно, – писал Н. Винер, – что 95% оригинальных научных работ принадлежит меньше чем 5% профессиональных учёных, но бóльшая часть из них вообще не была бы написана, если бы остальные 95% учёных не содействовали созданию общего достаточно высокого уровня науки» [9]. Без так называемых, как говорят науковеды, нуль-продуцентов, определяющих во многом атмосферу, «ауру» научной деятельности невозможно развитие науки. Поэтому наивными выглядят высказывания некоторых политиков и экономистов, призывающих к «чистке науки от балласта», повышению её коэффициента полезного действия за счёт сокращения штатов и усиления аттестационного контроля. Другой вопрос, как происходит это деление науки на элиту и «рабочих лошадок», на основе каких ценностных ориентиров.

Методологи и социологи науки в этой связи часто говорят о «феномене Планка», имея в виду его известное утверждение о том, что великая научная идея редко внедряется путём постепенного убеждения и обращения своих противников. В действительности дело происходит так, что оппоненты постепенно вымирают, а растущее поколение с самого начала осваивается с новой идеей.

Скорее всего это высказывание не является результатом специальных исследований, а вытекает из личного опыта М. Планка, который, как известно, часто расходился в своих научных взглядах со многими другими великими физиками своего времени. Конечно, можно подобрать и соответствующие примеры из истории науки. И всё же, на наш взгляд,

«редкость» внедрения новых идей в науку через рациональную дискуссию явно преувеличена.

По сути вся наука базируется на ценности свободной критической дискуссии. Как это убедительно показал К. Поппер, наука и начинается в истории с одобрения нравственного принципа необходимости подвергать сомнению идеи своих коллег и учителей. Непрерывное ускорение роста научного знания, особенно в XX в., свидетельствует о том, что естественная смена поколений отнюдь не является главным механизмом этого процесса. Ведь учёные по статистике продолжают оставаться одной из самых представительных групп земных долгожителей.

С нашей точки зрения, прогресс науки, в целом её успешное противостояние влиянию различных внешних факторов во многом обусловлено тем, что ценностям элитарности научной организации на всех уровнях всегда бинарно противостоят ценности либерализма. Это – выборность (различные учёные советы), отчетность (публикация результатов исследований), уважение прав меньшинства (маргиналы в науке), демократические процедуры принятия решений (тайное голосование по важным вопросам). Собственно и сама элитарность в науке появляется как результат реализации данных ценностей. Если же «генералы от науки» имплантируются «сверху», то наука, как это хорошо известно из отечественной истории, довольно быстро начинает, что называется, «пробуксовывать» в своём развитии.

Вот почему трудно согласиться с К. Поппером [10], когда он усиленно критикует «Дом Соломона», изображённый Ф. Бэконом в его произведении «Новая Атлантида». Пафос попперовской критики направлен против якобы тоталитарного кастового устройства этого храма науки, авторитарности методов управления, непререкаемости мнений его экспертов, что, по Попперу, в корне противоречит самому духу открытости, критической рациональности науки. На наш взгляд, очень важно проследить, как сформировалась организация «Дома Соломона». Если в её основе лежат демократические принципы самого научного сообщества, тогда она, используя тот же попперовский метод «социальной инженерии», может быть в любой момент изменена и усовершенствована. Но если в организацию науки перенесена авторитарная модель социально-политического управления, тогда для изменений организационной структуры науки надо ждать изменений в высших эшелонах политической власти. Сам Бэкон об этом ничего не говорит, а Поппер в своей критике, очевидно, исходит только из второго варианта.

Но ведь возможен и первый. Известно, что Английское Королевское общество и Французская

академия наук были созданы во многом по модели «Дома Соломона». Во Франции организовал академию и решал всё король. В Англии президент общества учёных И. Ньютон правил «железной рукой». Однако ведь никто не подвергает сомнению научную плодотворность этих первых институализированных научных сообществ Европы. Конечно, теоретически всегда сохраняется возможность сказать, что если бы английское сообщество было более открытым, более демократичным, а Ньютон менее авторитарным, то и успехов было бы больше.

На мой взгляд, более конструктивно говорить о разумном равновесии бинарных ценностных установок в организации науки на элитарность и либерализм. Осознание их необходимости является условием соответствующего контроля и управления развитием института науки, а в конечном счёте способствует и повышению эффективности исследовательской деятельности.

Ценности научного знания

В отличие от К. Поппера, считающего, что для больших эпистемических успехов науке необходимо совершенствовать методологический арсенал и глубже демократизировать свою организационную структуру, когнитивные социологи Б. Барнс, Д. Блур, К.Д. Кнорр-Цетина, М. Малкей, Б. Латур и др. [11; 12; 13], провозгласившие так называемый социологический поворот в методологии науки, предлагают вообще отказаться от признания особого эпистемического статуса науки и сконцентрировать внимание только на коммуникативной практике учёных. В таком случае ценности научного знания как текста, определённой семантической структуры, претендующей на соответствие своего содержания объективному положению вещей, заменяются на ценности переговорного процесса между исследователями (и не только ими) по поводу того, что считать (называть) знанием.

Реальная проблема состоит в том, что, действительно, для получения статуса знания когнитивным единицам необходима определённая институализация. Нельзя считать знанием некую догадку, озарение индивида. Это, в лучшем случае, может быть лишь заявкой на знание, а нередко так и остаётся новацией только для него самого. Для того чтобы превратиться в научное знание, новация не только должна быть эксплицирована, но и стать инновацией, т.е. быть институционально принятой научным сообществом. Это – непростой и долгий путь, где нередко сталкиваются различные ценностные ориентации как отдельных исследователей, так и различных групп учёных.

Если ограничиваться рассмотрением науки лишь как чисто духовного производства, от которого никому «ни тепло, ни холодно», тогда действительно перед когнитивным социологом предстаёт некое «племя», называющее себя научным сообществом. Он исследует структуру взаимоотношений между его членами, их мотивы, цели и средства их достижения. Но всё это не имеет как бы никакого практического отношения к той цивилизации, к которой принадлежит сам исследователь-социолог.

С такой позицией невозможно согласиться, поскольку сейчас уже очевидно, что в основе всей нашей цивилизации лежит именно наука, и, если бы знание было только результатом переговоров между учёными, мир не изменялся бы с такой скоростью и именно в том направлении, куда нацелена наука. Происхождение каждого компонента в здании науки может быть описано в case-studies с самых разных сторон, в том числе и социально-психологических, но это ничего не меняет в общем «монопольте» десятка фундаментальных теорий, где действительно нельзя нарушить даже её малую часть, не разрушив при этом целого. Поэтому будем придерживаться традиционной точки зрения, согласно которой научное знание обладает особым эпистемологическим статусом в том смысле, что его содержание адекватно выражает в законах определённые области действительности, т.е. окружающего нас мира. Свободно ли такое знание от ценностей?

На наш взгляд, да, если его полностью изолировать от субъекта и поместить в некий третий мир Поппера. Сами по себе знаковые структуры, подчиняющиеся определённым семантическим, синтаксическим и логическим правилам никакого актуального ценностного статуса не имеют, поскольку последний, по определению, может быть только там, где есть субъект. Но тогда, собственно, они «умирают» и как знание, которое, строго говоря, всегда включает помимо самих структур ещё и умение их интерпретировать, использовать, т.е. то, что М. Полани называет личностным знанием, которое сохраняется и передаётся только через непосредственную научную практику.

Можно согласиться с эволюционными эпистемологами (Д. Кэмпбелл, К. Лоренц, Р. Ридль, Г. Фоллмер и др.), что знание – это функция жизни и что развитие организмов неразрывно связано с совершенствованием их когнитивных структур. Правда, это ещё ничего не говорит о необходимости появления именно научного знания.

Известно, что рецептурно-практическое знание было распространено повсеместно в древности, но наука как способ систематического теоретического исследования и объяснения мира появляется толь-

ко в античной Греции. Продукт, который получался в результате, – знание – тоже должен был обладать определённой ценностью, которую можно назвать когнитивной или эпистемической. Это – безусловная, абсолютная ценность, которая присуща всякой семантической структуре, претендующей на статус научного знания. Для различных элементов знания научное сообщество разрабатывает соответствующие стандарты, «шкалы» оценок. Например, оценивают релевантность, убедительность, неожиданность фактов, полноту, точность, простоту теорий, перспективность принципов. В конечном счёте когнитивная ценность знания состоит в его способности объяснять явления действительности, выявлять законы мироздания.

Однако эта ценность реализуется только при наличии субъекта, т.е. в ходе научной информационно-коммуникативной практики. То, что когнитивная оценка и переоценка различных элементов научного знания происходила регулярно, хорошо известно из истории науки. Даже в математике оценки порой менялись на противоположные, например, по вопросам о значимости, арабских цифр, иррациональных чисел, теории множеств. В конце XIX в. абсолютная когнитивная ценность приписывалась физике Ньютона.

Расхождения в «чисто» научных оценках эпистемических структур, претендующих на статус знания, становятся особенно заметными в гуманитарной сфере. Здесь, очевидно, примеры не требуются. Отметим, что ценностная нагруженность знания вытекает не только из практики сравнения каждого элемента с определёнными стандартами и шкалами, но и из практики использования самого языка науки. Поэтому даже когда учёный, используя формальный «репертуар» пишет или говорит, что «опыты убедительно показали», «расчёты неопровержимо свидетельствуют», «теория полностью охватывает» и т.п., в самих этих семантических конструкциях можно легко обнаружить аксиологические компоненты.

В качестве бинарной по отношению к когнитивной ценности можно назвать ценность инструментальную. Эта ценность обуславливается регулятивной функцией науки, которая, как было показано в начале работы, может быть направлена или преимущественно на приспособление к среде, или на её преобразование. Очевидно, что в первом случае ценность знания как инструмента действия минимальна, т.к. человек пытается вписаться в гармонию окружающего его мира, во втором – максимальна, поскольку человек старается преобразовать, изменить мир в соответствии со своими потребностями.

На наш взгляд, именно ввиду минимальной инструментальной ценности выдвинутых установок на получение знания не смогла закрепиться в культуре наука Античности. Напротив, вся нововременная европейская наука изначально была ориентирована на «плодоносные» опыты. Появление так называемой прикладной науки, т.е. науки, оказывающей в настоящее время прямое воздействие на все стороны жизни, окончательно закрепило науку в культуре.

Бинарная оппозиция когнитивной ценности – инструментальной ценности сохраняется для эпистемических структур как фундаментальной, так и прикладной областей науки. Однако акценты, естественно, смещаются: в фундаментальной области – в сторону когнитивной ценности, в прикладной – в сторону инструментальной. Необходимо также отметить, что если раньше фундаментальное знание было безусловным лидером по отношению к прикладному, то теперь соотношение постепенно меняется. Прикладное, особенно техническое, знание приобрело не только внутренние стимулы и логику развития, но всё чаще определяет направление и сферу фундаментальных исследований.

Бинарная ценностная оппозиция знания (когнитивное – инструментальное) характерна для всех эпистемических единиц и, следовательно, для науки в целом. В этом смысле далеко не оригинальным выглядит утверждение И.Т. Касавина: «Никакого общества, никакой культуры не было и нет вне процесса познания; никакого знания нет вне культуры и общества» [14].

Основным остаётся вопрос, является ли эта бинарная оппозиция единственной? Не вплетены ли в знание другие ценности – нравственные и социальные? Можно ли говорить о свободе науки от ценностей?

Так, Х. Лейси (профессор философии колледжа Swarthmore, Пенсильвания, США) считает, что существует значительное число противников такой. К ним относятся, например, представители феминизма, общественных движений в развивающихся странах, радикальные экологи. Автор, признавая множество аспектов взаимодействия науки и ценностей, подчёркивает, что убеждение в свободе науки от ценностей, до сих пор играющее ключевую роль в самосознании и имидже науки, само носит ценностный характер, ибо соотносится с целями, направленностью научной деятельности, критериями оценки её продуктов и их последствий.

Для экспликации идеи свободной от ценностей науки автор вводит понятия когнитивных и социальных ценностей, а также стратегии научного исследования, которая определяется преимущественно социальными ценностями.

Стратегии взаимодействуют с социальными ценностями, поддерживая таким образом друга (положительная обратная связь). Исторически развитие науки диктовалось материалистическими стратегиями, которые связаны с ценностью контроля над природой. В итоге наука оказалась поставленной на службу социальным ценностям. Но сегодня, по мнению Лейси, контроль распространяется не только на природу, но и на всю человеческую деятельность.

В зависимости от типа культуры контроль может или подчиняться другим ценностям установкам (например, гармоничному взаимодействию с природой), или занимать доминирующее положение, олицетворяя неограниченную экспансию определённых технологий во все сферы жизни. Сегодня, к сожалению, преобладают ценности контроля, которые определяются преимущественно индивидуализмом и рыночными отношениями.

Основная мысль автора относительно различия когнитивных и социальных ценностей заключается в том, что первые играют роль в принятии или отвержении теории, а последние – в выборе стратегии развития научной практики. Наука может быть *беспристрастной* только на первом уровне. Она может быть *нейтральной* к социальным ценностям, но её претензии на *автономию* в сфере человеческой деятельности трудно оправдать. Процесс вторжения в науку ценностей извне научного сообщества, безусловно, существует. Например, властные отношения могут препятствовать осуществлению возможностей, потенциально заложенных в природе человека.

Стратегии широкого познавательного процесса могут диалектически соединять достижения материализма с новыми формами практики, например, на основе идеалов экологической рациональности и ценностей социальной справедливости. В этой связи Лейси пишет: «Человеческое процветание во всех его измерениях и разновидностях и для столь многих людей, насколько возможно, является для меня фундаментальной ценностью» [15].

Разделяя в целом позицию автора, подчеркнём, что, на наш взгляд, ответ на вопрос о ценностях в науке зависит от выбора эпистемической единицы. Дело в том, что наука как знание начинается с фактуальных («протокольных») утверждений, полученных на основе систематического эмпирического опыта. Бесспорной эпистемической единицей является теория. И факты, и теории не могут непосредственно включать в себя нравственные или социальные ценности, поскольку в противном случае наука будет описывать и объяснять мир с позиций каких-то социальных групп, т.е. заведомо искажать свою цель – получение объективного знания.

Но как быть с различными научными, метанаучными, общенаучными, философскими принципами, на основе которых строится, как известно, любое исследование? Например, принципы инерции, относительности, наименьшего действия силы, бесспорно, аксиологически нейтральны и с ними согласны все учёные. Но принцип дополнительности Н. Бора или принцип соответствия уже принимаются далеко не всеми исследователями. Ценностно нагруженным, как показал И. Лакатош, является принцип фальсификации К. Поппера, поскольку всегда можно возвести какой-либо эксперимент в статус решающего для опровержения теории, если последняя перестала удовлетворять различным ценностным установкам учёных.

А как быть с принципами «методологического упорства» и «интеллектуальной скромности» самого И. Лакатоша? Ведь никакими методологическими приёмами нельзя выявить грань, где кончается «упорство» и начинается «упрямство» и когда «скромность» переходит в «безволие». И тем более ценностно нагруженным выступает эпатаж-

ный принцип П. Фейерабенда «всё годится в науке». Явно ценностно не нейтральны принципы единства научного знания и материального единства мира.

А ведь ещё есть научные программы, стратегии, парадигмы, темы, эпистемы и многие другие обобщающие понятия, описывающие ход развития науки и отнюдь не являющиеся только эпистемическими конструкциями. В целом складывается ситуация, когда всем понятно, с чего начинается наука, но провести демаркационную линию между наукой и ненаукой (кстати, тоже совсем не однородное образование) никому, во всяком случае пока, не удалось. Но если этой границы нет, то получается, что наука всегда открыта различным нравственным модальностям и ценностям, которые непосредственно вплетены в её информационную парадигму.

Однако это, очевидно, тема отдельного самостоятельного исследования, поскольку даже только упорядочивание и классификация используемых сегодня принципов в науке требует, на наш взгляд, серьёзных усилий большого количества исследователей.

Список литературы:

1. Яковлев В.А. Информационные программы бытия // Философская мысль. 2015. № 1. С. 93-147.
2. Яковлев В.А. Бытие информации или информационное бытие? // Философия и культура. 2015. № 2. С. 173-182.
3. Яковлев В.А. Информационное единство бытия: сознание, жизнь, материя // Философские исследования. 2013. № 10. С. 1-57.
4. Яковлев В.А. Информационная программа новой эпистемологии // Философия и культура. 2015. № 10. С. 1460-1470.
5. Гуревич П.С. Векторы современного постижения человека // Философский журнал. 2013. № 2(11). С. 95.
6. Виндельбанд В. История философии. К.: Ника-Центр, 1997. С. 297.
7. Хокинг Ст., Млодинов Л. Кратчайшая история времени / Пер. с англ. Б. Оралбекова; под ред. А.Г. Сергеева. СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2006. С. 72.
8. Яковлев В.А. Инновации в науке. М.: РАН ИНИОН, 1997. С. 26-51.
9. Винер Н. Я-математик. М., 1964. С. 344.
10. Popper K. The Myth of the Framework. London-New York, 1996. P. 195-198.
11. Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983.
12. Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. М., 1987.
13. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5-6. С. 162-186.
14. Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013.
15. Lacey H. Is Science Value Free? Values and Scientific Understanding. London: Routledge, 1999. P. 241.

References (transliterated):

1. Yakovlev V.A. Informatsionnye programmy bytiya // Filosofskaya mysl'. 2015. № 1. S. 93-147.
2. Yakovlev V.A. Bytie informatsii ili informatsionnoe bytie? // Filosofiya i kul'tura. 2015. № 2. S. 173-182.
3. Yakovlev V.A. Informatsionnoe edinstvo bytiya: soznanie, zhizn', materiya // Filosofskie issledovaniya. 2013. № 10. S. 1-57.
4. Yakovlev V.A. Informatsionnaya programma novoi epistemologii // Filosofiya i kul'tura. 2015. № 10. S. 1460-1470.
5. Gurevich P.S. Vektory sovremenno postizheniya cheloveka // Filosofskii zhurnal. 2013. № 2(11). S. 95.
6. Vindel'band V. Istoriya filosofii. K.: Nika-Tsentr, 1997. S. 297.
7. Khoking St., Mlodinov L. Kratchaishaya istoriya vremeni / Per. s angl. B. Oralbekova; pod red. A.G. Sergeeva. SPb.: Amfora, TID Amfora, 2006. S. 72.
8. Yakovlev V.A. Innovatsii v nauke. M.: RAN INION, 1997. S. 26-51.
9. Viner N. Ya-matematik. M., 1964. S. 344.
10. Popper K. The Myth of the Framework. London-New York, 1996. P. 195-198.
11. Malkei M. Nauka i sotsiologiya znaniya. M., 1983.
12. Gilbert Dzh., Malkei M. Otkryvaya yashchik Pandory. M., 1987.
13. Blur D. Sil'naya programma v sotsiologii znaniya // Logos. 2002. № 5-6. S. 162-186.
14. Kasavin I.T. Sotsial'naya epistemologiya. Fundamental'nye i prikladnye problemy. M.: Al'fa-M, 2013.
15. Lacey H. Is Science Value Free? Values and Scientific Understanding. London: Routledge, 1999. P. 241.